

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ И ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПАРАДИГМАХ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Неоднократно в работах разных жанров нам приходилось обращаться к опровержению положения об “аграмматичности” “логической” классификации второстепенных членов предложения. Выдвижение этого положения было связано с тем, что грамматическая специфика оценивалась, а подчас и до сих пор оценивается слишком узко – только с точки зрения специализации частей речи для выражения определенных членов предложения. Такой специализацией характеризуются прилагательные и наречия – “подчиненные”, по В.А. Богородицкому, части речи. Существительные в этом отношении имеют двойственную природу. С одной стороны, при выражении подлежащего и дополнения они тоже выступают в качестве своеобразно специализированной части речи, поскольку эти члены предложения выражаются почти исключительно субстантивами. С другой стороны, существительные обнаруживают универсальную способность употребляться в роли любого другого члена предложения. В этих случаях и создается иллюзия отсутствия своеобразия у тех определений и обстоятельств, которые выражены существительными. Между тем такое своеобразие несомненно есть, и ярче всего оно проявляется в составе форм существительных, используемых при выражении собственно обстоятельственных членов предложения.

Парадигмы средств выражения разных типов обстоятельств здесь, во-первых, не совпадают в общей совокупности предложно-падежных и (изредка) падежных форм. Во-вторых, и главное, они различаются теми системными связями, в которые вступают отдельные формы.

Так, основная группа обстоятельств места (за вычетом подкатегории форм, выражающих место как трассу движения)

характеризуется двухмерной парадигмой. В ней, с одной стороны, наблюдается противопоставление форм, выражающих местонахождение (“где”) и направление движения (“куда” и “откуда”), типа: *в лесу – в лес – из леса; под крышей – под крышу – из-под крыши*; с другой – в каждой из трех подсистем – противопоставление форм, выражающих соотношение с пространственным ориентиром. Так, в первой подсистеме определенное соотношение выражается предлогами *в, на, вне, около / у / при / возле, над, под, перед, за, между, вдоль и рядом* производных наречных предлогов; во второй подсистеме используются многие из тех же предлогов, но с винительным падежом; в третьей – свои, специфические предлоги, последовательно употребляемые с родительным падежом.

И в отдельности, и в определенной (опять-таки своеобразной!) совокупности пространственные по происхождению предложно-падежные формы используются для выражения других обстоятельственных категорий. Но в этом случае они вступают в совершенно другие системные связи друг с другом.

Так, система “датировки” времени (вопрос “когда?”) характеризуется трехчленной парадигмой, в принципе изоморфной системной организации временных форм глагола. Подсистемы этой парадигмы манифестируются значениями предлогов “до” – “во время” – “после”. См. приводимую ниже схему:

	П.п.	В.п.	В.п.	
	в мае, в войну, в понедельник			
	П.п.	В.п.		
	на рассвете, в сумерки			
до / перед <	Т.п.	В.п.		
	за обедом, в обед			
	П.п.	П.п.		
	при погрузке, при Петре (метонимия)			
	Р.п.			
	первого мая			} после...

Общность грамматического значения (лексически закрепленных!) известным образом фразеологизированных вариативных форм, выражающих совпадение с временным ориентиром, подтверждается определенностью места этих форм в общей системе: все они противопоставлены формам с предлогами *до* / *перед* и *после*. Восходя к предложно-падежным формам пространственной семантики, они характеризуются общей семейной “в пределах временного ориентира”.

Семантические различия, связанные с аналогичными грамматическими формами пространственной системы, здесь нейтрализованы как по линии разных предлогов, так и по линии использования различных падежей. Лексико-фразеологической закрепленностью, как видно из приведенных примеров, характеризуется здесь, например, использование предлогов *в* и *на* (ср. их различия в случаях типа *в коробке* – *на коробке*), употребление при них то предложного, то винительного падежа, равно как и функционирование других форм.

“Непересекающимися” совокупностями предложно-падежных средств представлены категориальные разновидности обстоятельств обусловленности: причины, условия, уступки, цели¹. Парадигмы этих средств в каждой из разновидностей тоже во многом “калькируют” грамматические формы с локальным значением, при этом калькируют не случайно. Например, среди предложно-падежных форм, выражающих причину, в большинстве случаев используются те из пространственных предлогов, которые связаны с обозначением исходного пункта движения: *от досады*, *с досады*, *из-за болезни*, *из вежливости* и под. Как и в составе форм с временным значением, здесь прослеживается тенденция к нейтрализации значений разных форм или к выработке некоторых специфических оттенков значения: причины отрицательной ситуации у *из-за*; “внутренней” причины у *из* и т.д.

---

¹ См. о них: Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979. С. 190-192; Самара, 1997. С. 235-239.

Специфика парадигматических отношений в пределах того или иного типа обстоятельств определяет грамматическую семантику отдельных компонентов соответствующей системы при их одинаковом лексическом наполнении. Ср.: *в лесу – за лесом; в лесу – из леса* и под.

При совпадении грамматических форм, относящихся к разным системам, разграничение значений достигается, с одной стороны, тем, что разным типам обстоятельств соответствует специфический состав “базовой” субстантивной лексики, и они различаются на лексической основе. Ср.: *в доме – в мае, на крыше – на рассвете, при доме – при посадке; с крыши – с досады; из дома – из осторожности; из-за дома – из-за дождя* и т.д.

Если, с другой стороны, лексический состав разных типов обстоятельств частично совпадает, то дифференцирующую роль играют грамматические формы. Например, событийные предикатные существительные, словообразовательно связанные с “номинализацией пропозиций”, являются обычной базой для всех обстоятельств обусловленности и очень часто – метонимической основой выражения времени. При полном совпадении субстантивной лексики разграничение разных обстоятельственных типов достигается грамматическим различием предложно-падежных форм. Например: *из-за проверки – несмотря на проверку – в случае проверки – для проверки – во время / при проверке*.

Факты подобного рода выявляют один из механизмов взаимодействия лексических и грамматических средств – отношения взаимного возмещения при дифференциации разных категориальных значений.

Во всех рассмотренных случаях лексический состав субстантивных лексем и их предложно-падежное грамматическое оформление обеспечивают автосемантический характер обстоятельственных членов предложения – характер свободных синтаксем, по Г.А.Золотовой.

Небезынтересен общий характер разных парадигм. Наиболее строгий собственно грамматический характер они имеют в составе обстоятельств места, где дифференциация ком-

понентов двухмерных парадигм обычно основывается на употреблении предложно-падежных форм, типа *на шкафу* – *на шкаф* – *со шкафа*; *в шкаф* – *на шкаф* – *за шкаф* – *под шкаф*; *из шкафа* – *со шкафа* – *из-за шкафа* – *из-под шкафа* и т.д.

Однако в отличие от морфологических парадигм, редко характеризующихся неполнотой (в силу цельнооформленности слова), неполный состав пространственных форм у отдельных слов – явление достаточно обычное. Степень возможной развернутости парадигмы здесь постоянно зависит от денотативного характера пространственного ориентира, обозначаемого отдельным словом. Максимальное количество компонентов допускают пространственные парадигмы лексем, обозначающих ограниченный в размерах трехмерный ориентир (*дом, шкаф, ящик*, даже – *книга, папка* и т.д.). Естественно, что при обозначении “больших пространств” (стран, континентов) конкретные локальные характеристики ограничены. Широко употребляются здесь лишь формы локативов и директивов типа *в России* – *в Россию* – *из России*.

При наличии лексико-фразеологических ограничений в грамматическом оформлении отдельных компонентов парадигм выбор формы приобретает лексико-грамматический характер: он, с одной стороны, задан местом в соответствующей парадигме, с другой – употреблением определенного субстантивного слова. Ср., например, разное оформление локативов типа *в деревне* – *на хуторе* при их одинаковой парадигматической противопоставленности формам: *около деревни* / *около хутора*, *за деревней* / *за хутором* и под.

Особый интерес представляет взаимодействие грамматических и лексических средств в тех случаях, когда в системе языка обнаруживается существование средств определенной дискурсивной ориентации.

Достаточно обширный круг таких средств наблюдается в выражении временных (уже – таксисных) отношений. В системе этих средств “на равных” употребляются предложно-падежные формы субстантивных сочетаний с определительными (чаще всего местоименными) компонентами и наречия.

типа: *на следующий / другой / второй / третий день – завтра / послезавтра / через два дня; в этот день – сегодня; накануне / днем раньше / два дня назад – вчера / позавчера* и под.

Как видно из примеров, в соответствующих сочетаниях и отдельных лексемах выражаются обычные для категории темпоральности трехчленные противопоставления, связанные с выражением совпадения с временным ориентиром (*в этот день, сегодня*), предшествования ему или следования после. Однако при передаче этих отношений наблюдается очень своеобразная диалектика связей между лексическим составом и грамматическим оформлением подобных обстоятельственных членов предложения. Так, в сочетаниях типа *на следующий / второй / третий день* предлог *на* грамматически выражает значение совпадения с соответствующим ориентиром – “в пределах обозначенного дня”. А определяющие компоненты лексически указывают на следование после некоторого другого – неназванного – временного ориентира (который, впрочем, может эксплицироваться, например: *на другой / третий день после его отъезда*).

Не менее интересно, что разные лексические типы обстоятельств, имплицитно выражающие соотношение с некоторой неназванной точкой отсчета, могут быть жестко связаны с различными типами дискурса. В одни случаях такой точкой отсчета служит момент речи при непосредственном общении коммуникантов, в других – определенный момент описываемых событий в монологической повествовательной речи (в письменной или, реже, в устной). Так, обычное употребление наречий *вчера – сегодня – завтра* ориентировано на устный диалогический дискурс; *накануне – в этот день – наавтра, на следующий / другой / второй день* – на повествовательный монологический. Аналогично: *на будущий год* – на диалогический; *в следующем году* – на повествовательный. Некоторые из обстоятельств подобного рода могут употребляться в любом типе дискурса. Это относится, например, к антонимическим парам типа *через два дня – два дня назад*, в то время как сочетания *два дня спустя, двумя днями позже – двумя днями раньше* возможны только в повествовании.

Своеобразны трехчленные парадигмы дискурсивно ориентированных обозначений времени. Ведущая дифференцирующая роль принадлежит в них то лексическим средствам, в том числе наречиям ("А"), то предложно-падежному (или послеложно-падежному) оформлению местоименно-именных компонентов ("Б"). Например:

А

в этот день – накануне – на следующий день / на завтра
сегодня – вчера – завтра
утром / в это утро – накануне утром – наутро / на следующее утро
на этой неделе – на прошлой неделе – на будущей / следующей неделе
в этом году – в прошлом году – на будущий год

Б

в это время – до того / перед этим – после этого (потом, затем)
в этом году – за год до этого / годом раньше – через год / годом позже / спустя год

В заключение затронем стоящий особняком вопрос о лексико-грамматической базе собственно обстоятельственных членов предложения. Представляется иллюзией, что основой этой базы являются наречия. "Приоритетное положение" наречий наблюдается при выражении "характеризующих" обстоятельств "образа действия" и степени. Что касается группы собственно обстоятельственных членов предложения, то наречия достаточно употребительны только в сфере выражения пространственных и временных отношений. За вычетом местоименных лексем они единичны и малоупотребительны среди обстоятельств причины и цели (*сослепу, сдуру, сгоряча; назло*) и совершенно невозможны при выражении условия и уступки. Показательно при этом, что большинство собственно обстоятельственных наречий (в отличие от определительных) восходит к предложно-именным формам – к сочетаниям

предлога либо с падежной формой существительного, либо с формой краткого прилагательного. При этом соответствующие наречия места полностью или частично воспроизводит в своей семантике и словообразовательной структуре парадигматическую противопоставленность субстантивных локативов и директивов. Ср., например: *вдали – вдаль – издали; вверху – вверх – сверху; внизу – вниз – снизу; сбоку – набок; справа – направо; впереди – вперед.*

Естественно, что выражение обусловленности предполагает лексику предикатного, событийного плана. Соответственно, в строгом употреблении в составе соответствующих обстоятельств (чаще распространенных зависимыми словами) используются абстрактные существительные, деепричастия, а для выражения цели – инфинитив. (Конкретнопредметная лексика возможна, вероятно, только при метонимическом выражении причины и цели: *из-за сына, благодаря сыну; ради сына* и под.).

Даже фрагментарное рассмотрение обнаруживает, таким образом, очевидную категориальную специфику каждого из типов обстоятельств, многообразие парадигматических отношений в разных типах; гибкость взаимодействия грамматических и лексических средств при выражении определенных категориальных значений.

О.Ю. Крючкова

Саратовский университет

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕДУПЛИКАЦИИ

Редупликация как способ образования слов может быть отнесена к статистическим (неполным) или даже, возможно, к абсолютным (полным) универсалиям, т.е. способ удвоения используется при построении слов большинством или, возможно, всеми языками. Однако наиболее продуктивные структурные типы редупликации, в целом совпадая в языках с одинаковым морфологическим строем, в то же время обнаружива-